
П. Н. ТРЕТЬЯКОВ

РАССЕЛЕНИЕ ДРЕВНЕ-РУССКИХ ПЛЕМЕН ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

I

Известное исследование А. А. Спицына о древне-русских племенах, — одно из наиболее крупных произведений русской археологии, — вышло в свет в 1899 г., т. е. почти сорок лет тому назад.¹ Оно явилось как бы откликом со стороны археологии на филологические исследования А. А. Шахматова, выступившего тогда со своими первыми работами о «древнейших судьбах русского племени».² А. А. Спицын в своих исследованиях подошел к проблеме с археологическим материалом в руках. В результате многочисленных раскопок в конце XIX столетия этот материал в то время был уже очень значителен. В своих построениях А. А. Спицын опирался на исследования А. С. Уварова, Д. Я. Самоквасова, В. Б. Антоновича и некоторых других.

«Расселение древне-русских племен» затронуло целый ряд вопросов. Было высказано предположение о том, что древнейшими памятниками «славян» на территории России являются так называемые поля погребальных урн, известные во всех «старославянских землях»;³ была сделана попытка генетически увязать поля погребальных урн с памятниками еще более древней трипольской культуры; была произведена классификация курганов с сожжением, относящихся к IX—X столетиям и как будто бы увязывающихся с полями погребальных урн.

Однако, центральное место в исследовании А. А. Спицына заняли не этногонические вопросы, трактуемые им, нужно сказать, явно тенден-

¹ Расселение древне-русских племен по археологическим данным. Журнал мин. нар. просвещения, 1899, VIII.

² К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. Журнал мин. нар. просвещения, 1899, IV.

³ А. А. Спицын пользовался сводной работой Undset'a, *Das erste Auftreten des Eisens in Nord-Europa*, Hamburg, 1882.

циозно, а увязка материалов курганов XI—XII столетий с данными «Повести временных лет» о древне-русских племенах, показавшая, что «в собственно русских древностях (главным образом, XI в.) намечается столько же археологических типов и районов, сколько летопись перечисляет древне-русских племен. Географическое положение этих районов соответствует указаниям летописи о местах расселения племен... дальнейшее расширение исследований соответственных курганов даст вполне точную карту расселения древне-русских племен времени начальной летописи».¹ В своих последующих работах А. А. Спицын значительно уточнил эти положения и окончательно определил для каждого из известных, по летописи, племен характерные особенности в курганных памятниках. В основном, эти особенности, характеризующие курганы территорий различных племен, сводились к различиям в наборах женских украшений. Женские украшения, составлявшие часть костюма, рассматривались как один из признаков этнического порядка. В том же направлении и с такими же установками, помимо А. А. Спицына, работали и некоторые другие исследователи.

В результате этих исследований курганные древности XI—XIV вв. были окончательно расчленены на древности древлян, полян, радимичей, вятичей, кривичей и т. д. И казалось, что здесь мы имеем один из немногих, окончательно разрешенных археологией вопросов. Во всяком случае, никто и никогда не высказывал сомнения в правильности увязки курганных древностей XI—XIV столетий с племенами «Повести временных лет». Наоборот, все безоговорочно соглашались с ней. Она фигурирует в работах В. А. Городцова,² ее принимает L. Niederle, один из лучших знатоков «славянских» древностей.³ А в последние годы вышли в свет две капитальные работы, целиком построенные на этих, ставших традиционными, положениях. Я имею в виду «Курганы вятичей» А. В. Арциховского⁴ и «Радимичей» Б. А. Рыбакова.⁵ Правда, обе работы подверглись критике с методологической стороны.⁶ Однако вопрос о племенах, точнее то построение, краеугольным камнем которого послужило «Расселение древне-русских племен», и здесь не вызвало критической оценки.

Все это заставляет быть чрезвычайно осторожным. Однако, работая над памятниками XI—XIV вв., мало по малу приходишь к выводу, что это построение может быть ошибочным, что памятники XI—XIV вв. не могут служить бесспорным материалом для изучения племен «Повести временных лет», хотя бы даже в отношении их географии, и, наконец, что эти пле-

¹ Спицын, ук. соч., стр. 338—339.

² Бытовая археология, М., 1909.

³ Manuel de l'antiquité slave, I, Прага, стр. 230; II, стр. 85—95.

⁴ Труды секции РАНИОН, М., 1930.

⁵ Б. А. Рыбаков. Радзімічы, Працы БАН, Минск, 1932.

⁶ В. И. Равдоникас. За марксистскую историю материальной культуры. Известия ГАИМК, VII, вып. 3—4, стр. 62—67. В. Щербаков, Класовая борацьба і гістарычная навука на Беларусі, Менск, 1934, стр. 104.

мена по археологическим данным в настоящее время еще почти неизвестны. Я не буду сейчас останавливаться на теоретической стороне дела и на ряде принципиальных вопросов, касающихся этапов развития этногонического процесса в эпоху распада родового строя и становления феодальных отношений в Восточной Европе. Не буду касаться вопроса ни о «полях погребальных урн», ни о памятниках середины и второй половины первого тысячелетия н. э. Это вопросы чрезвычайно большие и сложные, требующие еще очень длительного изучения. Речь пойдет лишь об интерпретации тех локальных групп вещественных памятников, которые выявляются по материалам курганов XI—XIV вв.

Необходимо сделать лишь одну оговорку. Увязка археологического материала с данными письменных источников должна производиться при серьезной критической оценке как тех, так и других. Особенно же это относится к полуполюгендарной «Повести временных лет». В частности, термин «племя», фигурирующий в русской историографии, требует расшифровки. Ниже, говоря о «племенах», я буду пока что употреблять этот термин так, как он обычно понимается в историографии.

II

На территории Московской области, по р. Оке, приблизительно там, где летопись помещает племя вятичей, при исследовании погребений в курганах находят своеобразные виды женских украшений, уже давно признанные археологами вятическими. А. В. Арциховский, специально изучавший материалы Московских курганов,¹ таковыми считает семилопастные височные подвески, ожерелья из крупных, круглых бус (хрустальных или, реже, желтых стеклянных), широкие ажурные перстни и пластинчатые браслеты с загнутыми концами. В курганах других районов эти украшения, как правило, не встречаются. Граница их распространения принимается как граница племени вятичей. «Носители семилопастных» — вот как называет вятичей А. В. Арциховский.

Курганы Московской области, в дальнейшем я буду называть их «вятическими», относятся к XII—XIV вв.; причем они достаточно четко могут быть разбиты на три хронологические группы, соответствующие XII, XIII и XIV столетиям. Более ранние курганы этой территории — курганы с сожжением, относящиеся в IX—XI вв. — не имеют таких признаков, которые позволили бы выделить их, как вятические, из общей массы русских курганов этого времени.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что помимо «вятических» курганов в области их распространения встречаются курганы с другим составом украшений. Височные кольца там большие, провололочные с завязанными концами или кольца с ромбическими расширениями; бусы обычно стеклянные, позолоченные или посеребренные; перстни и браслеты также

¹ А. В. Арциховский. Курганы вятичей, РАНИОН, М., 1930.

иные, чем в «вятических» курганах. По составу украшений А. В. Арциховский определяет эти курганы, как «кривические», что, действительно, отвечает схеме А. А. Спицына. Наличие «кривических» курганов А. В. Арциховский объясняет тем, что границы племен были подвижны, и неизбежно происходило известное смешение, что представляется с первого взгляда как будто бы убедительным. Этому соответствует как будто бы и то, что «кривические» курганы располагаются, главным образом, в западных частях «вятической» области, около ее западных границ. Однако, если проработать материал, то оказывается, что в этих же местах, около западной границы «вятической» области, располагаются также почти все «вятические» курганы первой, наиболее ранней группы (XII в.).

Но особенно удивительным является соотношение «вятических» и «кривических» курганов на вятической и пограничной кривической территории, различное в разное время.¹ Оно выражается в следующих цифрах:

Из 72 курганов XII в.	«вятическими»	оказались 28,	«кривическими»	— 44
» 40	» XIII	»	» 34	» — 6
» 32	» XIV	»	» 31	» — 1

Если в эти цифры внести серьезную поправку и выбросить из «кривических» курганов XII в. те, которые были раскопаны Н. И. Булычевым и другими исследователями на западных границах вятической земли, — а они составляют добрую половину указанных здесь «кривических» курганов, — все же соотношение останется в силе, все же процент «кривических» курганов XII в. на вятической территории будет очень большим.

Естественно было бы ожидать как раз обратное явление, т. е. увеличение числа «кривических» курганов к XIII—XIV вв., что можно было бы объяснить как признак утери вятичами племенных особенностей их убора, вместе с исчезновением самого племени в процессе сложения феодальных отношений. На деле же получается, что в XIV в. «вятичи» выступают «этнически» более чистыми, чем раньше, что явно невероятно.

Правда, можно указать, что к XIV в. у населения соседних территорий курганный обряд погребения совершенно прекратился и что «кривические»

¹ Материалы взяты из списка курганов, приведенного А. В. Арциховским («Курганы вятичей», стр. 165—197). К «вятическим» курганам XII в. относятся в этом списке курганы №№ 1, 3, 4, 9, 21, 22, 23, 36, 44, 47, 49, 71, 72, 107, 122, 133, 134, 138, 162, 177, 191, 195, 198, 207, 210, 212, 213 и 226, к «кривическим» XII в. — 14, 34, 39, 40, 41, 42, 43, 56, 68, 78, 77, 79, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 93, 97, 98, 600, 106, 144, 145, 146, 147, 163, 171, 173, 179, 181, 185, 188, 189, 190, 192, 214, 216, 218, 219, 221, 224. К «вятическим» XIII в. — 11, 12, 15, 24, 25, 27, 29, 30, 32, 37, 45, 51, 111, 118, 120, 124, 126, 135, 149, 152, 153, 154, 158, 160, 186, 187, 196, 199, 201, 202, 211, 222, 223, 229; к «кривическим» XIII ст. — 46, 116, 117, 180, 182, 217; к «вятическим» XIV в. — 7, 13, 28, 31, 38, 57, 60, 61, 62, 63, 64, 66, 89, 108, 121, 127, 128, 131, 137, 139, 140, 141, 142, 148, 150, 164, 193, 200, 203, 205, 225; к «кривическим» XIV в. — 170.

курганы XIV в. нам неизвестны. Но ведь население-то в этих местах осталось и в XIII—XIV вв., когда рядом со старым Рязанским княжеством, возникает Московское княжество, это население должно было более энергично смешиваться с «вятичами», чем раньше. Но археологические памятники как будто бы говорят обратное: «племенные особенности» и «племенное единство» «вятичей» ярче всего выступают в XIII—XIV вв.

Приведенные выше цифры, составленные по материалам А. В. Арциховского, однако, скорее сигнализируют о неясности вопроса, чем доказывают только-что сказанное, так как, повторяю, ранние курганы вятической территории как «вятические», так и иные расположены преимущественно на территории, лежащей по границе вятичей и кривичей. Здесь возможны поэтому значительные неточности. Более определенные данные дает материал отдельных могильников.

Изучение курганных могильников территории вятичей показывает, что «кривические» курганы не только преобладали в XII в. над «вятическими», но что было время (начало XI и XII вв.), когда они являлись, повидимому, единственными в области среднего течения Оки. Курганы с сожжением территории вятичей (IX—X вв.), как указано выше, также не отличаются существенно от рядовых курганов с сожжением соседних, в том числе и кривических районов.

Наиболее ранними могильниками (первая стадия А. В. Арциховского), в которых встречаются как «вятические», так и «кривические» курганы, являются: могильники у д. Шатуны, на р. Угре, притоке Оки, у д. Ступеньки (вторая группа), известные по раскопкам Н. И. Булычева, могильник у д. Кузнецовка, около Москвы и некоторые другие.

Хронологическую дифференциацию курганов всех групп можно произвести достаточно точно. Наиболее ранними будут высокие курганы с погребениями в насыпи или на поверхности земли («на грунте»), более поздними — курганы меньших размеров с погребениями в ямах. Такая смена погребального обряда наблюдается повсеместно в русских курганах и не вызывает никаких сомнений. «Вятические» погребения, как правило, располагаются в ямах не потому, что они «вятические», а потому, что они относятся к XII—XIV вв. «Кривические» же погребения, в массе более ранние по времени, чаще бывают на грунте, чем в ямах. Но основываться на одном только погребальном обряде при решении вопросов хронологии, конечно, нельзя. Это лишь один из хронологических признаков. Второй, более важный признак — это вещи, находимые в погребениях.

Почти во всех 45 курганах, исследованных у д. Ступеньки (вторая группа),¹ были найдены какие-нибудь вещи, но лишь 10 из них содержали наборы украшений, по которым можно судить о времени и «племенных» признаках погребений. Большинство курганов оказались «кривическими», 2 — со смешанным составом инвентаря, и, наконец, 2 — «чисто» «вятиче-

¹ Н. И. Булычев. Раскопки по среднему течению р. Угры, М., 1913, стр. 50 и сл.

скими». «Вятические» погребения находились в ямах в 0.35 м глубины, «кривические» — на грунте, причем подавляющее большинство из них и по вещам несомненно старше «вятических». «Вятические» погребения характеризуются семилопастными подвесками и бусами: круглыми хрустальными и бипирамидальными сердоликовыми; «кривические» — позолоченными и посеребренными стеклянными бусами и проволочными височными кольцами. Смешанные погребения ранних по времени украшений, каковыми являются позолоченные и посеребренные бусы, не содержали. Бусы эти ни в какой мере не являются «кривическими». В XI и в начале XII в. они имели широчайшее распространение, в результате чего они массами встречаются в смоленских, новгородских, владимирских, гомельских («радимических») и других курганах этого времени. В более поздних «вятических» курганах их, понятно, как правило, не бывает.

Ту же картину дает могильник у д. Шатуны.¹ Курган 9 высотой в 2 м содержал два «кривические» погребения, расположенные на грунте, с вещами XI в. Из последних отметим большие проволочные височные кольца и пластинчатый браслет со связанными концами и орнаментом из треугольников. Курган 3, меньших размеров, содержал «вятическое» погребение, расположенное в могильной яме, глубиной в 0.35 м. Кроме «вятических» вещей: ажурного перстня, ожерелья из хрустальных и сердоликовых бус и ряда менее характерных предметов, при этом погребении оказались и «кривические» украшения, а именно — височные кольца с ромбическими расширениями. Время их, точно так же как и «вятических» вещей, не раньше XII в. Другие 7 курганов, раскопанные у д. Шатуны, не дали наборов украшений.

Материалы других курганных групп, относящихся к первой стадии А. В. Арциховского, также позволяют считать, что в районах работ Н. И. Булычева, т. е. в верховьях бассейна р. Оки, «кривические» погребения в массе старше «вятических». В «вятическом» могильнике у д. Бочарово² все погребения оказались в могильных ямах глубиной до 0.70 м. Курган 3 дал смешанные «племенные» признаки, причем найденные там «кривические» височные кольца с ромбическими расширениями, как уже отмечалось, нельзя признать очень ранними. То же самое имеем «в вятическом» могильнике д. Леоново.³ Погребения оказались в ямах. В кургане 7 вместе с семилопастными подвесками встречено височное кольцо с ромбическими расширениями. Таким образом получается, что, если в «вятических» погребениях оказываются «кривические» вещи, то последние не являются особенно ранними. Время этих курганов не раньше XII в., как это и устанавливает А. В. Арциховский и что следует из датировок А. А. Спицына.

¹ Н. И. Булычев. Раскопки по среднему течению р. Угры, М., 1913, стр. 25 и сл.

² Ук. соч., стр. 67 и сл.

³ Н. И. Булычев. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра, М., 1899, стр. 1 и сл.

Если же взять «кривические» могильники, то в ряде случаев (д. Бого-явление)¹ они несомненно будут относиться к XI в. Погребения в них всегда помещаются на горизонте.

И не только в районе раскопок Н. И. Булычева можно выделить «кривические» курганы, более ранние, чем «вятические». Укажу на «кривический» могильник у д. Воронцово, около Рузы, относящийся несомненно к XI в. Это отмечает и автор раскопок А. В. Арциховский, обращая внимание на глиняную посуду воронцовских курганов, сформированную от руки, без помощи гончарного круга. Но и остальной инвентарь погребений здесь также очень ранний.²

Наконец, остановлюсь на любопытном могильнике у д. Кузнецовки около Москвы, где большинство погребений оказалось смешанным в отношении «племенных» типов украшений. Однако наиболее ранние погребения, содержащие позолоченные бусы и другие ранние вещи (2 и 8), оказались «чисто» «кривическими».³

К каким же выводам мы приходим? Что же, значит вятичей не было до XII в. на территории современной Московской области? Если исходить из традиционных положений археологии — другое разрешение вопроса как будто бы исключается. Но вот здесь-то и вскрывается ошибочность этих традиционных положений, имеющих свои корни в построениях индоевропеистики.

То, что вятичей не было на Оке до XII в., к чему мы приходим, опираясь на указанные в археологии взгляды, конечно, не соответствует действительности. Наоборот, в X—XI вв. вятичи на р. Оке еще были. А вот к XIII—XIV вв. племени вятичей как такового уже не существовало. В последний раз, как известно, летопись упоминает это племенное название под 1197 г.

Следовательно, настоящие вятичи не являлись «носителями семипастных». Эти и другие «вятические» украшения появились лишь тогда, когда древнее племя вятичей уже находилось на стадии разрушения. Вместе с процессом нарастания новых общественных отношений складывались новые этнические образования. И появление определенного, неизвестного ранее, набора украшений, составляющего часть одежды, свидетельствует именно об этом процессе.

Но почему же древнейшие курганы вятической территории содержат «кривические» украшения? Но и эти украшения, конечно, не «кривические». В XI и начале XII вв., как уже было указано, в отношении стеклянных позолоченных и посеребренных бус, они имели широкое распространение в центральных областях северо-восточной Европы. Ниже к ним еще придется вернуться, когда будет решаться специально вопрос о «кривических» курганах.

¹ Ук. соч., стр. 178—179.

² А. В. Арциховский. Курганы вятичей, стр. 92, 171—172.

³ Ук. соч., стр. 178—179.

Чтобы окончательно разрешить проблему «вятичей — носителей семилопастных», необходимо ответить на вопрос: чем же объясняется локализация «вятических» украшений в XII—XIV вв. в определенном районе? Однако вследствие того, что вопрос о локализации типов украшений в эту эпоху является вопросом общим, а не только вятическим, ответ на него придется дать позднее.

III

Курганы «новгородских славян» также определяются характерным набором украшений. Для XI в. типичны большие проволочные височные кольца, снабженные иногда трапецевидными подвесками, ожерелья из стеклянных цветных бус, а, главным образом — позолоченных и посеребренных, трехгранные или широкие пластинчатые браслеты с своеобразным узором, спирально-пластинчатые перстни и др. Погребения этого времени заключаются в высоких курганах и располагаются или в насыпи, или на грунте. В XII в. появляются другие украшения: височные кольца с ромбическими расширениями, с которыми мы уже встречались выше, простые витые из проволоки браслеты и др. Часть украшений, как, например, бубенчики грушевидной формы с крестовидной прорезью, подвески в виде плоских ажурных изображений коня и водяной птицы, будут более или менее одинаковы как в XI в., так и в XII в. В XIII в. в Новгородском районе курганы сменяются жальничными погребениями. Умерший помещался в могилу, над которой вместо кургана насыпалось очень незначительное, обложенное камнями возвышение — жальник. Состав украшений также сменяется. Окончательно исчезают из обихода стеклянные позолоченные бусы, их сменяют мелкие бусы из мастики; на ряду с височными ромбошитоковыми кольцами появляются височные кольца с тремя металлическими шариками. Входят в обиход витые проволочные браслеты с петлями на концах, широкие пластинчатые браслеты, полые шумящие подвески в виде коня и водяной птицы, круглые бубенчики и др. Жальники XIV в. характеризуются височными кольцами с 5, 7 или 11 металлическими шариками, плетеными грубыми браслетами и др. Следует заметить, что в погребениях этого района металлические украшения очень обильны и разнообразны, и если бы пришлось перечислить все то, что характеризует женские погребения с XI по XIV вв., то потребовалось бы несколько страниц. В ту эпоху костюм новгородских женщин был буквально унижен металлическими украшениями. Кроме украшений головы, ожерелий и украшений рук, на которых мы останавливались, в ходу были всевозможные застежки, подвески, цепи, шейные металлические гривны и т. д., и т. п.

Этот характерный комплекс украшений, различный для каждого столетия, хорошо известен по раскопкам в ряде районов Ленинградской области. По р. Луге, у дд. Малый Удой и Замошье, курганы с таким соста-

вом находок раскапывал А. А. Спицын.¹ Около г. Крестцов исследование таких курганов в целом ряде пунктов произвел в 1903 г. В. Н. Глазов, где им были встречены и более древние курганы с сожжением (X в.).² Около г. Гдова, по р. Плюсе, В. Н. Глазовым было раскопано в 25 пунктах 415 курганов и жальников.³ Еще большие раскопки произвел в районе Красногвардейска (Гатчина)—Кингисепп А. К. Ивановский. Им исследовано 5877 курганов и жальников в 127 местностях.⁴ В более восточных районах, около Бежецка и Весьегонска, курганы и жальники с описанным выше составом украшений исследовал Н. И. Репников.⁵ Можно было бы еще перечислить исследования К. Кудряшова, С. Гамченко и многих других археологов или просто любителей, приложивших свои руки к курганам территории Ленинградской области. Но уже достаточно ясно, что более или менее однородный состав украшений «новгородских славян» наблюдается на обширной территории, в основном совпадающей с территорией распространения жальничных погребений.⁶

Что же это, однако, за территория и совпадает ли она с территорией летописных новгородских славян? Конечно, не совпадает, да и не может совпадать. Феодалные отношения в Новгородской земле стали складываться с X—XI вв. Племенное название — славяне — в последний раз упоминается летописью в 1018 г. В IX—XII вв. племени славян уже не существовало, но в эту эпоху была Новгородская земля, населенная первоначально разноплеменным и разноязычным населением. С границами области феодального Новгорода, примерно, и совпадает граница распространения новгородских курганов и жальников.

Следовательно, тот состав украшений, который рассматривался археологией как этнический признак «новгородских славян», в самом деле оказался «этническим» признаком населения, подвластного феодальному Новгороду, независимо от того, было ли это население в древности славянами, водью или ижорой. Новые экономические связи и отношения оказались в данном случае сильнее старых племенных и даже языковых связей.

Следует отметить, что украшения новгородских курганов в виде отдельных находок известны далеко на северо-восток, в новгородском Заволочье.

IV

К выводу, что не старые племенные границы, а границы новых складывающихся феодальных образований определяли распространение форм укра-

¹ Раскопки 1910 г. в Лужском у. Известия Археолог. комиссии, вып. 53.

² Отчет о поездке 1903 г. Известия Археолог. комиссии, вып. 6.

³ Гдовские курганы. Материалы по археологии России, № 29.

⁴ Курганы С.-Петербургской губернии. Материалы по археологии России, № 20.

⁵ Отчет о раскопках. Известия Археолог. комиссии, вып. 6.

⁶ Н. И. Репников. Жальники новгородской земли. Известия ГАИМК, т. IX, вып. 5, 1931.

шений, мы приходим в результате рассмотрения также и «кривических» курганов XI—XII вв. Собственно говоря, к этому выводу пришел впервые тот же А. А. Спицын в «Расселении древне-русских племен», где он выделил в разные группы «кривичей» смоленских и «кривичей» полоцких.¹ В своих дальнейших работах А. А. Спицын всегда придерживался этого и более дробного деления кривичей. Теперь же, когда в нашем распоряжении имеется большой материал, опубликованный в изданиях Белорусской Академии Наук, различие между инвентарем курганов полоцкого и смоленского княжеств XI—XII вв. выступает вполне отчетливо.²

Я обращаю внимание лишь на некоторые более характерные особенности инвентаря тех и других. Курганы смоленского княжества относительно богаты вещами, хотя и уступают в этом отношении курганам новгородским. По характеру инвентаря они чрезвычайно близки новгородским и отличаются от них, главным образом, отсутствием ряда вещей, как-то: зооморфных подвесок, застежек, длинных цепей и некоторых других украшений. В XI в. в смоленской земле височными украшениями были большие проволочные кольца обязательно со связанными концами; позднее, к XII в., наряду с ними, появились кольца с ромбическими расширениями. Ожерелья состояли из тех же самых, уже знакомых нам позолоченных или цветных стеклянных бус. Кроме бус в ожерельях были круглые медальоны, большей частью ажурные, и лунницы. Браслеты отличались простотой. В большинстве случаев это браслеты из круглой проволоки с более тонкими концами, но наряду с ними встречались и пластинчатые и витые из проволоки. Перстни — пластинчатые с широкой передней и узкой задней частью, такие же, как в новгородских курганах. Наконец, отмечу бубенчики грушевидной формы с крестовидным прорезом, представляющие собой одно из излюбленных украшений, и подвески в виде коня (всегда одной и той же формы), маленькой ложки и резе ключа. Шейные гривны для смоленских курганов не особенно характерны. Они, как правило, витые, с пластинчатыми концами.

Курганы с таким подбором инвентаря известны по раскопкам Н. И. Булычева около границ «вятических земель»,³ по раскопкам около гг. Ельни и Дорогобужа,⁴ по раскопкам С. М. Соколовского около Рославля,⁵ по раскопкам около гг. Смоленска, Духовщины и Поречья⁶ и по ряду других исследований в различных местах смоленской земли.

¹ Ук. соч., стр. 327—328.

² Працы, т. I, Минск, 1928; Працы, т. II, Минск, 1930; Працы, т. III, Минск, 1932.

³ Указанные выше издания.

⁴ Раскопки курганов у Дарагабускім і Ельнінскім паведах. Працы, т. II, Минск, 1930 г.

⁵ Працы, т. III, Минск, 1932, стр. 51—59.

⁶ А. А. Спицын. Отчет о раскопках, произведенных в 1905 г. Зап. отд. русск. и слав. арх., т. VIII, вып. 1.

Полоцкие курганы отличаются от смоленских малым числом украшений, причем ряд типов, характерных для смоленских курганов, в полоцких вовсе отсутствует. Височные кольца имеют сравнительно небольшие размеры, приготовлены из очень тонкой проволоки и концы у них грубо скручены. Кольца с ромбическими расширениями вовсе отсутствуют. Редко встречаются браслеты и перстни, в общем повторяющие смоленские типы. Отсутствуют подвески в виде конька, ложки и ключа. Характерной особенностью полоцких курганов являются головные украшения из бронзовых спиралей. Шейные украшения — ожерелья, гривны, — в общем те же, что в смоленских курганах, но также значительно беднее. Полоцкие курганы известны, главным образом, по исследованиям около Орши, Полоцка и Минска.¹

Говорить на основании археологических данных о племенных границах южной группы племен, известных по летописи, вообще не приходится. И хотя А. А. Спицын в «Расселении древне-русских племен» и заявлял, что «в собственно русских древностях намечается столько же археологических типов и районов, сколько летопись перечисляет древне-русских племен», в отношении курганов Поднепровья он здесь же вынужден был указать «на полную аналогию полянских курганов с одновременными волынскими и древлянскими».² Исследования последующих лет не изменили картины, да и не могли изменить. Поляне в последний раз упоминаются летописью под 944 г., древляне — под 990 г. В XI—XII вв., к которым относятся курганы с погребениями, племен древлян, лучан (волынян) и полян уже не существовало, но в Поднепровье было Киевское княжество, в пределах которого, в курганах XI—XII вв., и наблюдается однородный набор украшений, отличающихся значительным однообразием.³

Курганы «северянские», отличающиеся от киевских своим набором украшений, известные, главным образом, по раскопкам Д. Я. Самоквасова,⁴ видимо укладываются в пределы Новгород-Северского княжества. Кроме Д. Я. Самоквасова, эти курганы изучал В. Б. Антонович⁵ и другие исследователи. Точно так же курганы дреговичей принадлежат, повидимому, не этому племенному образованию, а населению Туровского княжества XI—XII вв. Они известны, главным образом, по раскопкам В. З. Завитневича, около Бобруйска.⁶

¹ См. указанные выше издания Белорусской Академии Наук.

² Ук. соч., стр. 323.

³ В. Б. Антонович. Раскопки в стране древлян. Материалы по археологии России, т. XI; Е. Н. Мельник. Раскопки в стране лучан. Тр. XI Археологического съезда, т. I.

⁴ Северянская земля по городищам и курганам. Могильные древности Черниговщины. М., 1917; Северянские курганы. Тр. III Археологического съезда, ч. I, и др.

⁵ Дневник раскопок в Черниговской губернии в 1881 г. Тр. предвар. ком. по устр. XIV Археологического съезда, вып. I.

⁶ О раскопках в Бобруйском уезде. Археологические известия и заметки, 1893.

Наконец, остановлюсь на владимирских курганах, материал которых чрезвычайно ярко подтверждает правильность высказанных соображений о природе локальных типов курганных украшений XI—XIV вв. Если считать, что перечисленные нами выше группы курганных древностей XI—XII вв. являются источником для изучения летописных племен, то нужно признать, что курганы Владимирско-ростовской земли принадлежат летописной мере, что в свое время и пытался доказать А. С. Уваров.¹ Однако положения последнего не были приняты А. А. Спицыным, высказавшим относительно владимирских курганов следующие соображения: «1) Раскопанные в 1851—1854 гг. владимирские курганы массами расположены именно там, где в X—XII вв. жило русское население и существовали русские города (Ростов, Суздаль, Переяславль). 2) Найденные в этих курганах вещи тождественны с открываемыми в русских курганах иных местностей, кроме весьма небольшого количества поделок «финского» характера. 3) Обряд погребения во владимирских курганах русский, одинаковый с наблюдаемым в иных местностях, исконно-русских. Обряд погребения восточных финнов — могильники, а не курганы».² Почему же А. А. Спицын для владимирских курганов сделал исключение и, более того, почему он резко критиковал попытку увязать их с известным по летописи племенем? Чем объяснить такую явную непоследовательность?

Понять это вовсе не трудно, если вспомнить о явно националистической окраске работ А. А. Спицына. Руководимый националистическими взглядами, А. А. Спицын в данном случае нарушил принципы своего построения и вопреки фактам пытался утверждать, что Владимирско-ростовская земля была занята одним лишь русским населением.³

С этим, конечно, никак нельзя согласиться. Население этой области, как и Новгородской, бесспорно сложилось из разноплеменного и разноязычного, но в основном местного населения. Материал курганов дает в этом отношении неоспоримые доказательства, на что мне пришлось однажды указывать.⁴

Однако ясно, что это население никак нельзя отождествлять и с летописной мерой — дофеодальным племенным образованием, — последнее упоминание о которой на страницах летописи относится к 907 г.

V

Возвращаюсь к «вятическим» курганам. По целому ряду причин при разрешении интересующего нас вопроса о границах их распространения мы сталкиваемся здесь с большими трудностями, чем при рассмотрении

¹ А. С. Уваров. Меряне и их быт. Тр. I Археологического съезда, т. II, стр. 633—847.

² А. А. Спицын. Владимирские курганы. Известия Археолог. комиссии, вып. 15, стр. 165—166.

³ Ук. соч., стр. 166.

⁴ П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Известия ГАИМК, т. IX, вып. 6—7.

курганов «кривичей», «новгородских славян», «северян» и т. д. Поэтому выше пришлось более подробно остановиться на курганах «вятичей». Но пока что мы убедились лишь в том, что характерный «вятический» набор украшений появился не ранее XII в. и, таким образом, к племени вятичей прямого отношения иметь не может. Сейчас же нас интересует вопрос о границах распространения этих украшений, вернее, о том — что представляют собой эти границы.

Причины трудности разрешения этого вопроса заключаются в сложности исторических судеб территории бассейна среднего и верхнего течения р. Оки.

Не подлежит сомнению, что в X—XI вв. в пределах вятических земель начало намечаться феодальное образование, обособленное от системы киевско-смоленско-новгородско-ростовских княжеств. Об этом достаточно ярко в ряде мест говорит летопись. Известны летописи и вятический князь Ходота и его сын. В XI в. эта самостоятельность складывающегося вятического феодального образования была нарушена, и область р. Оки вошла в состав Черниговского княжества. В XII в. выделяется особое княжество Рязанское, — далее княжество Московское.

Каким же экономическим и политическим связям отвечают границы распространения «вятических» украшений, как определенного, возникшего в XII в., этнического признака?

Представляется наиболее вероятным следующее разрешение этого вопроса: если картографировать курганы I, II и III групп В. А. Арциховского, то станет ясным, что ранние курганы, как это отмечалось выше (почти без исключения), локализируются в более западных районах, около Москвы, Рузы, Юхнова, Жиздры. Наоборот, в восточном районе около Рязани, Зарайска, Подольска, Коломны — ранние курганы вовсе отсутствуют. В этом мне удалось убедиться в результате работы над коллекциями в Спасском, Рязанском и Зарайском музеях.

По историческим данным территория вятичей не распространялась в область рязанского течения Оки, хотя в некоторых местах в летописи вятичи и приравниваются к рязанцам. Однако последнее, несомненно, отражает более поздние моменты и явилось следствием того, что к XII в. феодальным центром на Оке стала Рязань, расположенная в области, занятой в дофеодальный период не вятичами, а мордовскими и мещерскими племенами. И можно думать, что граница распространения «вятических» украшений связана с границами распространения населения того первоначально действительно «вятического» феодального образования, которое возникло на Оке. Однако не только в XII в., но и раньше, в XI в., в его состав несомненно входило население, составляющее в предшествующую эпоху не только вятичей, но и часть мордовских и мещерских племен. Известным указанием на это служит то обстоятельство, что «вятические» украшения генетически увязываются с украшениями, распространенными в X и XI вв. у муромских, мещерских и мордовских племен. Семиплостные

«вятические» подвески, по мнению лучшего знатока окских древностей первого тысячелетия н. э., П. П. Ефименко, произошли из так наз. муромских височных подвесок. Что же касается «вятических» ажурных перстней, то их генетическая связь с широкими муромскими и мордовскими ажурными перстнями не подлежит никакому сомнению. Таким образом здесь, в наборе украшений, наблюдается такая же картина, что и в других местах, где феодальные образования возникли в областях, занятых первоначально разноплеменным и разноязычным населением. Примеры такого рода дают новгородские курганы, где большое место среди украшений занимают «чудские» вещи, а также владимирские и костромские курганы, где в украшениях отразились «мерянские» вкусы.¹

Но возможно и другое разрешение вопроса, правда, менее вероятное. Известно, что в украшениях «вятичей» и «радимичей» (принимая во внимание, что курганы «радимичей» позже XII в. неизвестны) наблюдаются некоторые черты сходства, на что не раз уже было обращено внимание. «Общая любовь к семилопастным височным кольцам, неизвестным в других местностях, сближает вятичей с радимичами», писал А. А. Спицын в «Расселении древне-русских племен».² И если нанести на карту распространение «вятических» и «радимических» курганов, хорошо известных по сводной работе Б. А. Рыбакова,³ границы княжеств XI—XII вв., то граница «вятических» и «радимических» курганов почти полностью совпадает с границами Черниговского княжества. Не будет совпадать граница только в одном месте. Самый южный язык территории Черниговского княжества, зажатый между Новгород-Северским, Переяславским и Киевским княжествами, где расположен и сам Чернигов, выйдет за пределы распространения «радимических» курганов. Состав украшений здесь соответствует типам киевских и новгород-северских курганов. Это, конечно, очень существенно, но не решает вопроса. Эта маленькая и узкая территория, благодаря своему положению, не может считаться характерной для Черниговского княжества. И, таким образом, «вятичи» и «радимичи», возможно, превращаются в население Черниговского княжества.

Вопрос этот представляется еще, конечно, далеко не разрешенным. Но полагаю, что более углубленное изучение «вятических» и «радимических» курганов, почти не совпадающих по времени (что затрудняет исследование), полностью разрешит вопрос и покажет — правильны ли предложенные здесь ответы.

VI

Таким образом, районы распространения типов женского убора, точнее — наборов украшений, XI, XII, XIII и XIV столетий, которые

¹ А. А. Спицын. Владимирские курганы. Известия Археолог. комиссии, вып. 15; П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Известия ГАИМК, т. X, вып. 6—7.

² Ук. соч., стр. 334.

³ Б. А. Рыбаков. Радзімічы. Працы БАН, 1932.

восстанавливаются по материалам погребений этого времени, начинают укладываться в границы не древних племенных образований, а в границы формирующихся феодальных областей. Однообразие женского убора в пределах экономически связанной области, особенно в тех случаях, когда в предшествующий период на данной территории обитало разноплеменное население, является ярким показателем того, как развивался этногонический процесс в эпоху раннего феодализма. Это первый вывод.

То обстоятельство, что к XI—XII вв., а местами к XIII в., по историческим данным племенных образований уже не существовало, археологи имели в виду, конечно, и раньше. Однако они полагали, что, несмотря на это, этнические признаки племен продолжали сохраняться еще в течение долгого времени. Так, например, в отношении «вятичей» у А. В. Арциховского читаем: «Последнее летописное упоминание о вятичах относится к 1197 г. Но археологи узнают это племя по тем многочисленным женским украшениям, границы распространения которых совпадают с историческими границами земли вятичей... Племенные типы женских украшений оказались более живучи, чем племенное имя».¹ Но выше достаточно ясно показано, что возникновение «племенных типов украшений» вятичей произошло не ранее момента разрушения самого племени и что, следовательно, «племенными типами» вятичей эти украшения не являются.

То же самое можно сказать в отношении всех других «племенных типов украшений». Если обратиться к материалам, происходящим из раскопок более древних памятников, чем курганы с труположением XI—XII вв., хотя бы памятников IX—X вв., то там мы встретим совершенно иные наборы украшений. Следовательно, нельзя говорить о каких-либо пережитках древних племенных особенностей, основываясь исключительно на материале украшений.

Очень боюсь, что здесь могут меня неверно понять. Могут понять что я рассматриваю этногонический процесс чересчур примитивно и упрощенно, что я рассматриваю его как процесс, совершающийся молниеносно, разом, вместе с изменением социальных отношений. Это, конечно, будет неверно. Этногонический процесс длился веками и, несомненно, что в тех или иных формах дофеодальные племенные различия сказываются вплоть до настоящего времени. Но нужно помнить, что судьба различных этнических компонентов была неодинакова, так как сами они далеко не равноценны. Одно дело язык, одежда, другое — специфические особенности экономики, постройки, третье — религиозные верования, украшения и т. д. Одни из них переживали веками и их следы можно найти еще теперь; другие были менее жизненны, третьи, наконец, совсем не жизненны. К последним, несомненно, относились украшения — материал, легко меняющийся, а отнюдь не консервативный. Вспомним, например, материалы рязанских могильников, детальное хронологическое исследование которых было

¹ Курганы вятичей, стр. 151.

произведено П. П. Ефименко.¹ Типы женских украшений за время с II по VII вв. н. э., как свидетельствуют эти материалы, переменялись не менее чем 5—6 раз. И это происходило в условиях одной формации, при отсутствии резких сдвигов в формах развития социально-экономических отношений. В Новгородской области XI—XIV вв., с курганами которой мы познакомились выше, опять-таки в пределах одной формации — раннего феодализма — украшения менялись из столетия в столетие.

Ясно поэтому, что при возникновении новых социально-экономических отношений, в условиях энергично протекающего этногонического процесса, не остается места для сохранения, хотя бы в виде пережитков, «племенных типов женских украшений». Распространение их в той или иной области в значительной степени было обусловлено тяготением населения к определенным экономическим центрам, которые являлись, помимо всего прочего, также и центрами массового ремесленного производства этих украшений. Это второй вывод.

Следовательно материалы памятников XI—XIV вв. не могут служить источником изучения известных по летописи племен. Несомненно, что археологи в течение более, чем пятидесяти лет, начиная с работ А. С. Уварова и Д. Я. Самоквасова и кончая работами А. В. Арциховского и Б. А. Рыбакова, стояли в этом вопросе на неправильном пути. Увязка памятников XI—XIV вв. с летописными племенами явилась результатом привнесения в область археологических материалов положений, развиваемых индоевропейским языкознанием. И подобно последним эта увязка представляет собой буржуазную националистическую по духу теорию, поражающую отсутствием хотя бы сколько-нибудь критического подхода к материалу. Это третий и основной вывод.

VII

Какие же археологические памятники могут служить источником изучения «древне-русских» и других восточно-европейских племенных образований, известных «Повести временных лет»?

Понятно, что это будут более ранние памятники, памятники второй половины первого тысячелетия н. э., достаточно хорошо известные, особенно в некоторых районах центральных и западных областей Восточной Европы. Однако до сих пор эти памятники в отношении характеристики отдельных летописных племен не дают ничего строго определенного, потому что с этой точки зрения к ним никто и никогда серьезно не подходил. Далее, напрашивается вопрос о племенах начальной летописи. Прежде всего, что представляли собой известные по летописи «племена»? Какая социально-экономическая организация скрывается за этим термином, не раскрытым достаточно самой летописью и введенным в обиход первыми историками для обозначения социальной организации древлян, полян, северян и т. д.

¹ Рязанские могильники. Материалы по этнографии, т. III, вып. 1, Л. 1926.

Ясно, ведь, что первые историки России понимали этот термин иначе, чем понимаем его сейчас мы, основываясь на трудах Л. Моргана и Ф. Энгельса.

Племя и род — два неотъемлемых друг от друга института — существовали в продолжение всей истории первобытного общества, за исключением лишь самых начальных ее периодов. Известно, по этнографическим данным, что в последние периоды истории первобытного общества, когда начался процесс разрушения древних родовых связей, племена образовали обширные объединения — племенные союзы, покоящиеся уже не столько на родовых, сколько на территориальных экономических связях, как это исчерпывающе было показано Ф. Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

И можно думать, что известные летописи «племена» являлись именно такими социальными организациями, вступившими уже на путь превращения в организации с отношениями феодального характера. Действительно — нельзя же допустить, что, например, кривичи, территория которых равнялась размерам среднего современного европейского государства, были племенем в правильном понимании этого термина? Понятно, что это был обширный союз племен и, возможно, не родственных и даже несколько разноязычных.

Если это действительно так, то приходится иметь в виду, что постоянными организациями союзы племен могли и не быть. Если мордовский племенной союз (а что это действительно был племенной союз можно прекрасно доказать на основании этнографических и исторических данных) был известен не только в X—XI вв., но и в V столетии, то древляне, поляне, радимичи, вятичи и другие «древне-русские племена» в то время известны не были. На их месте готские и византийские писатели знали антов, очевидно, предков тех же русских славян. Это несомненно также был какой-то племенной союз, вероятно, сложившийся, как мера борьбы с экспансией своих южных соседей.

В заключение отмечу, что, возможно, и не все известные по «Повести временных лет» наименования представляли собой названия союзов племен. Очень вероятно, что некоторые из них являлись именами и отдельных племен. Таковым, например, вероятно, являлась голядь, жившая, согласно летописи, на маленькой речке Протве.

В условиях непостоянных, меняющихся объединений племен, понятно, не всегда могла иметь место кристаллизация новых этнических образований. И если мордовские древности нам известны, начиная с IV—V вв., то это объясняется лишь тем, что мордовский племенной союз, как отмечалось выше, имел длительное существование, превратясь в дальнейшем, уже в условиях выросших феодальных отношений, в современный нам мордовский народ. Другое дело — племенные образования хотя бы Поднепровья. Их судьба, вследствие ряда исторических причин, была значительно сложнее. И весьма вероятно, что по археологическим материа-

лам не всегда удастся уловить особые черты, характеризующие то или иное сложное племенное образование.

Но это не значит, конечно, что следует отказаться от исследований в направлении увязки данных летописи с археологическими материалами. Наоборот, исследования в этом направлении являются первоочередной задачей. Когда будет решен вопрос о племенных группах середины и второй половины первого тысячелетия н. э., об этнических признаках этих групп, лишь тогда можно будет дать окончательную интерпретацию и тем локальным группам древностей XI—XIV вв., о которых речь шла выше, и этим самым вынести окончательный приговор существующей ныне археологической схеме «расселения древне-русских племен».

P. TRETJAKOV

LA DISTRIBUTION TERRITORIALE DES RUSSES ANCIENS D'APRÈS LES DONNÉES ARCHÉOLOGIQUES

RÉSUMÉ

Les tumuli des XI—XIVe siècles, connus en grand nombre dans l'ouest de la partie Européenne de l'URSS, constituent une série de groupes locaux qui se distinguent entre eux principalement par l'assortiment des objets de parure trouvés dans leurs tumuli. Les archéologues de la fin du XIXe siècle ont raccordé ces groupes locaux de monuments avec les territoires des tribus russes telles qu'ils sont indiqués dans les chroniques premières. L'exposé le plus complet et le plus achevé de ce point de vue a été donné dans le travail de A. Spicyn «La répartition territoriale des tribus russes anciennes d'après les données archéologiques», paru en 1899. Au cours des quarante dernières années, cette théorie n'a soulevé aucun doute sérieux.

Un fait, pourtant, saute aux yeux — c'est que les assortiments de parures rencontrés dans les tumuli du XI—XIVe siècles n'ont nulle part été en usage aux siècles précédents, qui nous sont connus par les matériaux fournis par les tumuli à incinération et par les trouvailles faites dans les gorodistchés. Ils datent donc de l'époque où les vieilles tribus étaient déjà en voie de disparaître au cours du processus de la formation de la société féodale. Mieux encore — pour certains territoires on peut prouver que ces assortiments ne se sont pleinement constitués qu'aux XIII—XIVe siècles. Cela a été le cas dans le bassin supérieur de l'Oka, sur le territoire des Viatitchi.

Un autre fait intéressant est que le territoire du Novgorod féodal, dont la population se composait d'éléments d'origine et de langue différentes (Slaves, Vodi, Ijora), montre une unité dans l'assortiment de parures. Il en est

de même dans la région Rostov — Souzdaï, ainsi que dans celle du Dniepr, où les tumuli situés sur les territoires des Polianes et des Drevlianes des chroniques donnent le même assortiment de parures.

Tout cela nous fait penser que les groupes locaux d'antiquités de tumuli des XI—XIVe siècles doivent être raccordés non pas avec les territoires des tribus des chroniques tels qu'ils existaient aux siècles précédents, mais avec les tumuli synchroniques des territoires féodaux.

Les parures métalliques sont un des caractères ethniques le moins stable. De nombreux exemples nous convainquent qu'elles ont pu subir des modifications très fortes au cours d'un ou deux siècles. On conçoit donc qu'à l'aube de la féodalité, lorsque commença le processus de formation du peuple russe par fusionnement de différentes tribus et qu'on cessa d'employer les vieux noms de tribus, les parures métalliques n'aient plus servi de signe indiquant la tribu d'origine.

L'étude des tribus des chroniques, la fixation des limites de leurs territoires et de leurs particularités ethniques doit tenir compte non pas des matériaux archéologiques des XI—XIVe siècles, mais de ceux des VII—Xe siècles, qui n'ont encore jamais été étudiés sous ce point de vue.